

УДК 33

DOI 10.36511/2588-0071-2020-2-27-47

Афонцев Сергей Александрович

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23)

Sergey A. Afontsev

corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, doctor of sciences (economics), deputy director

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (23 Profsoyuznaya st., Moscow, Russian Federation, 117997)

E-mail: afontsev@gmail.com

Концептуальные основы анализа национальной и международной экономической безопасности

Conceptual framework for the analysis of national and international economic security

В статье рассматриваются концептуальные основы анализа национальной и международной экономической безопасности. Автором подробно рассмотрены подходы к определению понятия «экономическая безопасность». Обоснован вывод, что на сегодняшний день наиболее перспективным является обсуждение экономической безопасности в контексте проблемы «экономической устойчивости» на национальном и международном уровне. Для выработки приоритетов экономической безопасности и определения оптимального курса их достижения определен концептуальный аппарат анализа принципиальных вопросов. В заключение охарактеризованы ключевые угрозы экономической безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: национальная и международная экономическая безопасность, подходы к определению, глобальный кризис, критерии оценки, сценарии развития экономического кризиса.

The article discusses the conceptual foundations of the analysis of national and international economic security. The author examined in detail the approaches to the definition of the concept of “economic security”. The conclusion is substantiated that today the most promising is the discussion of economic security in the context of the problem of “economic sustainability” at the national and international level. To develop priorities

for economic security and determine the optimal course to achieve them, a conceptual apparatus for analyzing fundamental issues has been defined. In conclusion, key threats to the economic security of the Russian Federation are described.

Keywords: national and international economic security, approaches to definition, global crisis, evaluation criteria, scenarios for the development of the economic crisis.

Подходы к определению понятия «экономическая безопасность»

Развитие кризисных процессов в мировой экономике, резкое нарастание конфликтности в международных экономических отношениях, враждебные действия внешних субъектов по нанесению ущерба интересам национальных хозяйственных субъектов (санкции, торговые войны) закономерно обуславливают возрождение интереса к теоретическим и прикладным исследованиям, связанным с проблематикой экономической безопасности (ЭБ). Отражением этой тенденции стало как оживление экспертных дискуссий, связанных с оценкой экономических аспектов достижения приоритетов безопасности на национальном и международном уровне, так и принятие правовых документов, фиксирующих соответствующие приоритеты и определяющие основные направления их достижения. В Российской Федерации ключевыми вехами в данной сфере стало принятие Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, в явной форме содержащей положения, связанные с экономическим измерением обеспечения национальной безопасности [1]¹, а также Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [2], в которой содержится развернутое изложение соответствующих вопросов с политико-правовой точки зрения. На фоне активизации интереса к тематике ЭБ со стороны юристов и специалистов в области проблем безопасности ситуация в экономической науке и науке о мировой политике выглядит достаточно парадоксально.

Принципиальное значение имеет тот факт, что среди представителей академического и экспертного сообщества нет консенсуса не только по базовым характеристикам понятия ЭБ (его определение, категориальный аппарат, операциональные критерии практического использования), но и по вопросу о его научном статусе. В частности, большинство представителей «основного течения» (mainstream) в современной экономической науке не признают за понятиями национальной и международной ЭБ научного статуса и в своих публикациях практически не используют. Исключения относятся к случаям, когда это необходимо для обсуждения идей и предложений, выдвигаемых в смежных дисциплинах — в первую очередь в науке о мировой политике, но главным образом — когда термин ЭБ переносится на уровень индивидов и домашних хозяйств и ассоциируется с такими понятиями, как «стабильность рабочих мест и доходов», «социальная защищенность» и

¹ Особое значение в контексте определения роли экономических факторов безопасности имеют статьи 37, 53—63, 66, 68 данной Стратегии.

«безопасность труда» [3; 4]¹. В свою очередь, среди исследователей мировой политики и международных отношений также нет определенности относительно научного статуса данного понятия. Ряд авторов считают его излишним и предпочитают говорить не об ЭБ, а об экономическом измерении проблемы безопасности [5—7]. Дискуссии по вопросам ЭБ в западной литературе периодически оживляются и затихают по мере исчерпания энергии исходного «исследовательского импульса». Нынешнее возрождение интереса к тематике ЭБ связано в первую очередь с обострением проблемы американо-китайских противоречий и дискуссиями вокруг провозглашенного администрацией Д. Трампа принципа «Экономическая безопасность — это национальная безопасность» [8; 9]. До сих пор, однако, обсуждение соответствующих вопросов практически не выходит за рамки экспертных комментариев и публикаций, не вносящих ощутимого вклада в концептуальное осмысление проблем ЭБ.

С учетом сказанного не приходится удивляться тому, что в исследованиях национальной и международной ЭБ единство взглядов на сегодняшний день отсутствует, причем в зависимости от того, какой подход к определению национальной ЭБ разделяет тот или иной исследователь, его оценка вопросов международной ЭБ также будет отличаться выраженной спецификой. Можно констатировать, что к настоящему времени в мировой науке сформировались три основных подхода к исследованиям ЭБ.

В рамках первого из них вопросы национальной ЭБ интерпретируются преимущественно в юридическом смысле — с точки зрения условий *пресечения нелегальных видов экономической деятельности*, являющихся нежелательными с позиции норм и ценностей, закрепленных в законодательстве конкретной страны. Соответственно, к сфере международной ЭБ относится выработка трансграничных механизмов сотрудничества, позволяющих его участникам обеспечивать достижение своих приоритетов в соответствующей сфере (борьба с контрабандой, наркотрафиком, торговлей людьми, уклонением от налогов, финансированием терроризма и т. д.). Продуктивность подобного понимания проблем ЭБ в существенной мере зависит от того, в какой мере его сторонникам удастся избежать отождествления правовых норм с собственно приоритетами безопасности. Действительно, правовые нормы могут существенно варьировать как между странами, так и в одной и той же стране от года к году, причем связь между легализацией (или, наоборот, запрещением) тех или иных видов экономической деятельности и вопросами безопасности является далеко не однозначной. Например, реализуемая на протяжении последнего десятилетия международная кампания по борьбе с деятельностью офшорных финансовых центров с юридической точки зрения может рассматриваться как пример успешных действий по достижению целей международной ЭБ (приняты и выполняются соответствующие международные соглашения, сокращаются масштабы использования экономическими субъектами «налоговых гаваней»), однако ограничение предоставляемых соответствующими центрами услуг сокращает конкурен-

¹ Важную роль в закреплении этой традиции сыграли публикации Международной организации труда, например: [3]. См. также: [4].

тоспособность экспортных операций, ранее проводимых через офшоры, а также возможности противодействия введенным в одностороннем порядке и не получившим одобрения Совета Безопасности ООН экономическим санкциям против конкретных стран (включая Российскую Федерацию). Тем самым не только наносится ущерб вполне легальным видам экономической деятельности, но и ставится под удар достижение приоритетов безопасности стран — адресатов односторонних экономических санкций.

Второй подход ассоциирует проблематику ЭБ с *экономическими аспектами достижения приоритетов безопасности в военно-политической сфере*. К числу ключевых предпосылок реализации соответствующих приоритетов относятся:

1) наличие в государственном бюджете финансовых средств, необходимых для содержания и модернизации вооруженных сил, а также эффективного достижения внешнеполитических приоритетов дипломатическими средствами;

2) обеспеченность страны основными видами экономических ресурсов, необходимых для развития оборонной промышленности и поддержания боеспособности вооруженных сил (энергетические ресурсы, редкие металлы, ядерные материалы и т. п.);

3) совершенствование и поддержание в работоспособном состоянии элементов «критической инфраструктуры» (механизмы управления страной и вооруженными силами; ключевые элементы финансовой, транспортной и информационной инфраструктуры) перед лицом новых вызовов (в частности, вызовов в сфере кибербезопасности);

4) устойчивость национальных систем принятия политических решений к использованию внешними акторами экономических инструментов достижения политических целей (в т. ч. экономических санкций, иных торговых ограничений и приемов экономической дипломатии).

В рамках данного подхода проблематика ЭБ гармонично «вписывается» в структуру традиционной политики обеспечения национальной безопасности в военно-политической сфере; не связанные с военно-политическими приоритеты ЭБ в качестве самостоятельных не выделяются. С учетом этого, как отмечалось выше, многие исследователи предпочитают не употреблять сам термин ЭБ, ограничиваясь обсуждением экономических аспектов обеспечения национальной безопасности.

Третий подход к изучению ЭБ, напротив, ориентирован на идентификацию *«собственного» предметного поля ЭБ*, не сводимого к обеспечению приоритетов в сфере охраны правопорядка и безопасности в военно-политической сфере. В рамках данного подхода следует различать четыре основных направления.

1. Интерпретация ЭБ через *национальные интересы* опирается на классическое определение безопасности как отсутствия (или успешного парирования) угроз реализации национальных интересов страны. В этом смысле любая угроза, способная помешать достижению национальных интересов в экономической сфере (вне зависимости от того, как соответствующие интересы сформулированы), может рассматриваться как угроза национальной безопасности, анализ которой должен вестись с использованием понятия ЭБ.

Данный подход удобен тем, что он (1) имеет прочную основу в теоретических исследованиях вопросов безопасности, (2) допускает прямые ссылки на документы, в которых формулируются национальные интересы в экономической сфере, и (3) увязывает определение международной ЭБ с условиями достижения национальных интересов всеми участниками международной системы, заинтересованными во взаимной кооперации. Однако он несет в себе риски чрезмерно расширительной интерпретации ЭБ, особенно если речь идет о конкретных приоритетах экономического развития. С точки зрения экономической науки соответствующие приоритеты могут (и должны) в рабочем порядке корректироваться в зависимости от изменений внутренней экономической ситуации и конъюнктуры внешних рынков. Если же рассматривать их в контексте обеспечения национальной ЭБ, любой внутренний или внешний фактор, препятствующий их достижению, автоматически должен считаться вызовом безопасности, что не соответствует экономической сути происходящего и может стать причиной излишней негибкости в экономической политике.

2. Определение ЭБ через «суверенитет» («независимость») в экономической сфере предполагает, что страна должна обладать возможностями самостоятельного производства (и/или разработки) определенного набора товаров, услуг и технологий, а руководство страны должно располагать инструментами эффективного управления экономическими процессами, протекающими как в национальной экономике, так и (в случае ведущих стран мира) на международном уровне. Неудивительно, что именно в рамках данного направления исследований наибольшее распространение получило изучение отраслевых аспектов ЭБ (энергетической, продовольственной, лекарственной), так или иначе предполагающих возможность самостоятельного решения тех или иных задач в соответствующих сферах. В условиях растущей взаимозависимости стран в мировой экономике и развития наднациональных (региональных и глобальных) механизмов управления экономическими процессами данное определение с середины 1990-х годов постепенно утрачивало позиции [10; 11]. Именно этим объясняются, в частности, такие значимые сдвиги в дискуссиях по вопросам ЭБ, как отказ от концепции самообеспечения энергетическими ресурсами и признание допустимости и желательности широкой международной кооперации в сфере производства критически значимых товаров и разработки ключевых технологий (в т. ч. в сфере ОПК, авиастроения, производства фармацевтической продукции и т. п.). Однако на фоне роста экономического национализма в 2010-х годах популярность проблематики экономического суверенитета (в т. ч. в энергетической сфере) вновь пошла в гору [12—14] и возрождение соответствующего подхода к анализу ЭБ также не заставило себя долго ждать. Особой привлекательностью определение приоритетов ЭБ в терминах «экономического суверенитета» обладает для стран с развивающимися рынками — особенно тех, которые сталкиваются с ухудшением экономических отношений с ведущими странами-партнерами и/или претендуют на статус регионального (или, в перспективе, глобального) экономического лидера. Важная аналитическая проблема, связанная с таким определением, заключается в сложности нахождения оптимальной стратегии перехода от изучения национальной

ЭБ на международный уровень: если все страны будут стараться обеспечить максимальную независимость друг от друга в ключевых секторах экономики, как обеспечить отсутствие конфликтов [15—18]¹?

3. Рассмотрение ЭБ в контексте *устойчивости национальной и мировой экономики к внутренним и внешним шокам* пользуется наибольшей популярностью среди профессиональных экономистов. Оно позволяет им не только использовать традиционные экономические концепции и понятия (экономическая динамика, устойчивое развитие, антикризисная политика), но и придавать им дополнительный вес в политических дискуссиях благодаря их увязке с экономическими приоритетами безопасности. Подобная практика, впрочем, зачастую ведет к подмене понятий, когда традиционные приоритеты социально-экономического развития — экономический рост, отраслевая диверсификация экономики (в т. ч. развитие высокотехнологичных производств), развитие человеческого капитала (в т. ч. повышение качества образовательных услуг и услуг здравоохранения) — объявляются приоритетами национальной безопасности и в их обсуждение включается широкий круг экспертов, не являющихся специалистами в области экономики и пытающихся навязать дискуссиям по экономическим вопросам терминологию и риторику, свойственные обсуждению вопросов безопасности («экономическое оружие», «экономический шпионаж», «экономические диверсии» и т. п.). В западной науке опасность подобной «подмены понятий» была осознана еще в 1980-х — начале 1990-х годов в рамках дискуссии по вопросам международной экономической безопасности [19]. В результате среди экспертов сформировалась негласная конвенция, не допускающая произвольного «наклеивания ярлыков» ЭБ на все негативные процессы в экономической сфере. Именно данным обстоятельством, в частности, объясняется тот факт, что глобальный экономический кризис 2008—2009 годов и последовавшие за ним потрясения в ряде ведущих экономик мира не стали поводом для нового витка дискуссий по вопросам ЭБ, а рассматривались исключительно как вызовы для экономической политики. В настоящее время обсуждение ЭБ в контексте проблемы «экономической устойчивости» развернулось в сторону противостояния *целенаправленным действиям* экономических и политических субъектов, преследующих цели дестабилизации экономических процессов на национальном и международном уровне. Именно данное направление анализа, по нашему мнению, на сегодняшний день является наиболее перспективным с точки зрения академического и прикладного развития концепции ЭБ. Впрочем, абсолютизировать его нельзя — ведь действие факторов, не зависящих от сознательных усилий одних акторов по нанесению ущерба, также нельзя сбрасывать со счетов.

¹ Важную роль в осмыслении данного противоречия сыграла дискуссия вокруг предпринятой в начале 1990-х гг. Э. Луттваком попытки ввести в международные исследования понятие геоэкономики по аналогии с понятием геополитики. Представление о неизбежном столкновении экономических суверенитетов, свойственное геоэкономическим построениям, фактически не оставляет места не только для взаимовыгодного экономического сотрудничества (что очевидным образом противоречит наблюдаемым фактам), но и для создания механизмов предотвращения международных экономических конфликтов.

В заключение данного параграфа следует упомянуть еще один, четвертый подход к изучению ЭБ, прослеживающийся преимущественно в российских публикациях. В рамках данного подхода проблематика ЭБ отождествляется с *предотвращением угроз жизни и здоровью граждан*, связанных с недобросовестным предоставлением товаров и услуг, загрязнением окружающей среды и техногенными катастрофами («промышленная безопасность», «технологическая безопасность», «безопасность потребления» и т. п.). Формирование данного подхода основано на смешении в русском языке двух понятий — собственно «безопасность» (security) и «защищенность от ущерба» (safety). С точки зрения международно признанных подходов, проблема защищенности от ущерба (safety) не относится к проблематике ЭБ, а соответствующие вопросы рассматриваются не в контексте национальных или международных проблем безопасности, а в рамках проблематики технического регулирования, экологических стандартов, защиты прав потребителей и т. п.

Концептуальный аппарат анализа вопросов экономической безопасности

При всей неоднозначности понятия ЭБ и множественности подходов к его определению в исследованиях ЭБ можно выделить ряд принципиальных вопросов, решение которых в любом случае необходимо для выработки приоритетов ЭБ и определения оптимального курса их достижения.

Наиболее принципиальный вопрос в данном контексте связан с идентификацией *субъектов ЭБ*. Понятие безопасности, заимствованное из науки о мировой политике и международных отношениях, по определению относится к *общностям и структурам, в которых функционируют субъекты принятия политических решений*. Это делает искусственными рассуждения об ЭБ не только отраслей и предприятий, где субъекты принятия политических решений отсутствуют вовсе, но и субнациональных административных единиц, в которых эти субъекты обладают усеченными и субординированными полномочиями в сфере хозяйственного регулирования. Как показывает опыт многих стран (в т. ч. Российской Федерации), административные регионы в принципе могут быть упразднены, реорганизованы и объединены без возникновения каких-либо угроз безопасности для кого бы то ни было. Соответственно, в качестве легитимных субъектов ЭБ могут рассматриваться *суверенные государства и межгосударственные объединения, имеющие высокий уровень экономической интегрированности* (в этом отношении, в частности, могут быть оправданными дискуссии об ЭБ Евразийского экономического союза или Европейского союза, но не зоны свободной торговли между США, Мексикой и Канадой, поскольку в последней отсутствуют наднациональные органы принятия экономических решений).

Следующий важный вопрос — как должны выглядеть *приоритеты ЭБ*? Как было показано выше, в рамках исследований ЭБ отсутствует консенсус по вопросу о том, в какой именно сфере должны лежать приоритеты ЭБ. В качестве кандидатов фигурируют:

1) борьба с нелегальными видами экономической деятельности и нежелательными операциями (включая финансирование терроризма);

- 2) экономические аспекты обеспечения безопасности в военно-политической сфере;
- 3) национальные интересы в экономической сфере;
- 4) обеспечение возможности суверенного управления экономическими процессами;
- 5) обеспечение устойчивости национальной экономики перед лицом внутренних и внешних шоков.

В большинстве случаев на практике реализуется комплексный подход к определению приоритетов ЭБ, опирающийся на ту или иную их комбинацию. В частности, в политической практике США доминирует комбинация первого, второго и третьего типа приоритетов (причем в третьем фигурирует выраженный акцент на управление глобальными экономическими процессами) [20], при том что в отдельных сферах (особенно в энергетической) прослеживается влияние четвертого типа приоритетов. В свою очередь, в рамках Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года прослеживается сочетание второго и третьего подходов (в соответствии со ст. 7 Стратегии экономическая безопасность — это «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации»), хотя повышение устойчивости экономики к воздействию внешних и внутренних вызовов и угроз и другие аспекты устойчивого экономического развития также упоминаются в тексте Стратегии (особ. ст. 14, 16—17, 19, 38). При том что фактическое объединение нескольких подходов следует признать во многом неизбежным в официальных документах, являющихся продуктами политического компромисса между значительным числом заинтересованных акторов, в мировой и отечественной литературе уже давно выявлены издержки подобного объединения как с правовой [21], так и с экономической точек зрения [22]. С учетом этого формирование единого методологически непротиворечивого подхода к анализу проблем ЭБ остается, безусловно, приоритетной задачей.

Следующий вопрос — каковы *факторы, способные воспрепятствовать достижению приоритетов ЭБ*? В целом данные факторы могут быть подразделены на две группы:

- 1) события или действия, непосредственно ставящие под вопрос достижение приоритетов ЭБ;
- 2) характеристики национальной или международной системы, делающие ее уязвимой для факторов первого типа.

Первую группу факторов принято называть *угрозами ЭБ*, а вторую — *факторами уязвимости* («слабостями») экономической системы, включая слабость механизмов реагирования на возникающие угрозы. Как было сказано выше, в последнее время в интерпретации роли первой группы факторов наблюдается сдвиг в пользу рассмотрения действий внутренних и внешних акторов, целенаправленно стремящихся нанести ущерб системе национальной и/или международной системе ЭБ. Такая расстановка акцентов вполне объяснима с учетом общего роста некооперативности в системе международных экономических отношений, однако полностью отрицать

возможность влияния на состояние ЭБ событий, не связанных с целенаправленными действиями конкретных акторов, по-прежнему невозможно. Этот тезис нашел яркое (и печальное) подтверждение с началом эпидемии коронавируса, когда экономические системы целого ряда развитых и развивающихся стран испытали негативное воздействие фактора, находящегося за пределами ответственности экономических субъектов и регуляторов.

Важно отметить, что взаимное отождествление угроз и факторов уязвимости является логически некорректным, что имеет большое значение для рассмотрения практических задач достижения приоритетов ЭБ. Например, высокая зависимость от импорта фармацевтической продукции и медицинской техники свидетельствует об уязвимости фармацевтической отрасли и сектора медицинских услуг рассматриваемой страны, но это отнюдь не означает существования угрозы для ее ЭБ. Если соответствующая продукция (например, субстанции антибиотиков, аппараты для искусственной вентиляции легких и т. п.) может свободно приобретаться на мировом рынке, об угрозе вообще говорить не приходится; если же это условие не выполняется или существует реальная возможность его нарушения (например, вследствие эмбарго, дефицита на мировом рынке, отсутствия средств для приобретения импортной продукции или резкого роста спроса на соответствующую продукцию в условиях эпидемии), то в качестве угроз будут выступать именно упомянутые факторы, а не слабость/уязвимость фармацевтической отрасли и производства медицинского оборудования как таковая. То же самое относится к большинству проблем безопасности доступа к рынкам товаров (в т. ч. продовольственных), ресурсов и технологий: угрозу представляет не отсутствие конкретных производств в национальной экономике (зависимость от внешнего рынка), а факторы, способные помешать приобретению соответствующих товаров, услуг и технологий (в российском случае в качестве таких угроз могут выступать экономические санкции, введенные против национальной экономики в период после 2014 г.). Если использовать медицинскую аналогию, угроза ЭБ — это своего рода «возбудитель болезни», а уязвимость экономической системы можно ассоциировать со «слабостью иммунитета». С учетом этого борьба за достижение приоритетов ЭБ может вестись как через нейтрализацию угроз («борьба с возбудителем»), так и путем сокращения уязвимости («повышение иммунитета»).

Но по каким признакам можно судить, что интенсивность угроз ЭБ (и масштаб уязвимости к ней) требует реакции со стороны регуляторов? Традиционно ответ на этот вопрос принято искать путем определения количественных показателей обеспечения ЭБ и численных границ соответствующих показателей, нарушение которых должно служить основанием для оперативной реакции со стороны субъектов принятия политических решений. В то же время научные дискуссии вокруг соответствующих переменных и их пороговых значений наглядно продемонстрировали фундаментальные недостатки предлагаемых способов оценки угроз ЭБ (в российской литературе о характере этих дискуссий можно судить на основе следующих публикаций: [23—28]). Они связаны, во-первых, с отсутствием корректного методологического обоснования выбора критериев ЭБ и отражающих их экономических переменных и, во-вторых, со сложностями корректного

определения соответствующих пороговых значений. До сих пор выбор переменных, по которым предлагается судить о состоянии ЭБ, и пороговых значений этих переменных, призванных отражать границу между безопасным и угрожаемым состояниями системы, часто остается исключительно отражением личных предпочтений их разработчиков.

Перспективным направлением разрешения этой проблемы является переход от произвольного определения критериев ЭБ к составлению комплексной системы оценки экономических рисков, в рамках которой могут быть идентифицированы угрозы и уязвимости, относящиеся к проблемной сфере ЭБ [29]. Следующий важный аналитический шаг связан с осознанием того обстоятельства, что различные события и действия, оказывающие негативное влияние на состояние экономической системы, обладают различным дестабилизирующим действием и, соответственно, должны оцениваться по разным критериям. Например, введение зарубежной страной торговых ограничений, затрагивающих одну и ту же процентную долю российской торговли, будет более опасным в том случае, если соответствующая страна имеет преференциальные торговые соглашения с Российской Федерацией, поскольку в этом случае под угрозой оказываются не только интересы российских экономических субъектов, непосредственно затронутых этими ограничениями, но и будущее самого преференциального соглашения. Аналогичным образом снижение курса национальной валюты, вызванное падением мировых цен на традиционные экспортные товары какой-либо страны, может представлять более высокую опасность, чем аналогичное снижение валютного курса, вызванное повышением процентных ставок в ключевых странах-партнерах, поскольку во втором случае существует возможность (частичной) автоматической коррекции возникших диспропорций (снижение валютного курса ведет к притоку иностранной валюты в национальную благодаря росту экспорта, который в первом случае весьма проблематичен).

Существенно, что дифференцированное определение пороговых значений критериев ЭБ совместимо как с подходом, предполагающим определение национальной ЭБ через национальные интересы, так и с ее операционализацией в терминах устойчивости национальной экономики к внутренним и внешним шокам¹.

Экономическая безопасность в условиях глобального кризиса

С учетом сказанного в предыдущих разделах можно сделать вывод о том, что совершенствование подходов к обеспечению ЭБ Российской Федерации должно опираться на системную экспертную работу по идентификации оптимальной в российских условиях комбинации приоритетов ЭБ, на грамотное определение угроз ЭБ и факторов уязвимости национальной экономики, способствующих их актуализации, а также на формирование научно обоснованного набора критериев защищенности страны от угроз ЭБ. Что касается ключевых угроз ЭБ, то в настоящее время они определяются сочетанием:

¹ С учетом того что определения национальной ЭБ в терминах национальных интересов и экономической устойчивости в одинаковой мере допускают переход с национального на международный уровень анализа ЭБ, дифференциация критериев ЭБ может быть осуществлена также и для международного уровня.

- 1) экономических санкций, введенных против Российской Федерации в период после 2014 года;
- 2) спадом экономической активности на национальном и международном уровне, вызванным пандемией коронавируса;
- 3) резким снижением мировых цен на энергоносители в результате пандемии коронавируса, а также отказа от ранее действовавшего соглашения по ограничению цен на нефть в формате ОПЕК+;
- 4) сохраняющейся угрозой продолжения торговых войн в мировой экономике, создающей дополнительные риски для российского экспорта.

Из всех перечисленных факторов санкционный является наиболее изученным — и в теоретическом плане [30], и в плане оценки его влияния на российскую экономику [31; 32]. Неудивительно, что именно этот фактор в конце 2019 года стал объектом приложения предложенного в предыдущем разделе подхода к расчету пороговых значений критериев ЭБ [33]. В таблице 1 представлены соответствующие критерии, рассчитанные с учетом конкретных направлений влияния санкций на протекающие в национальной экономике процессы. При этом достижение указанными в таблице показателями пороговых значений, позволяющих говорить о высоком уровне влияния санкций на российскую экономику, представляет разный уровень риска для обеспечения ЭБ Российской Федерации и требует различных мер реагирования в зависимости от того, по каким именно показателям (и в какой их комбинации) наблюдается переход через пороговые значения. Например, в краткосрочном периоде выход какого-либо одного из перечисленных в таблице показателя в критическую зону при том, что другими показателями пороговые значения не достигнуты, несет с собой ограниченные риски ЭБ и не требует специальных мер реагирования, выходящих за пределы стандартного инструментария экономической политики, предназначенного для управления экономическими процессами в соответствующей сфере. Единственным исключением является превышение критического значения показателем снижения валового накопления основного капитала, которое автоматически переводит уровень рисков в категорию существенных ввиду влияния на макроэкономическую ситуацию в текущем году и потенциал экономического роста в будущем.

Таблица 1

Критерии оценки воздействия санкционного вмешательства на достижение экономических приоритетов суверенной политики Российской Федерации

№	Показатели	Степень влияния	
		Низкая	Высокая
Краткосрочные			
1	Снижение расходов на конечное потребление домашних хозяйств в год принятия значимых санкционных решений (в процентных пунктах)	менее 1,5	более 1,5
2	Снижение валового накопления основного капитала в год принятия значимых санкционных решений (в процентных пунктах)	менее 2,0	более 2,0

3	Ускорение роста потребительских цен (потребительской инфляции) в течение 3 месяцев после принятия санкционных решений (среднемесячные показатели в процентных пунктах)	менее 2,5	более 2,5
4	Максимальное падение (в процентных пунктах) валютного курса рубля к доллару США в течение 4 недель после обнародования новых санкционных решений	менее 12	более 12
5	Максимальное падение (в процентных пунктах) валютного курса рубля к евро в течение 4 недель после обнародования новых санкционных решений	менее 10	более 10
6	Максимальное падение (в процентных пунктах) индекса РТС в течение 4 недель после обнародования новых санкционных решений	менее 20	более 20
7	Максимальное падение (в процентных пунктах) котировок акций конкретных компаний, подвергшихся санкционному воздействию	менее 20	более 20
Среднесрочные			
1	Упущенный рост ВВП (в процентных пунктах) в среднем за 1 год	менее 1	более 1
2	Упущенный рост ВВП (в процентных пунктах) в среднем за 3 года	менее 0,8	более 0,8
3	Ускорение роста потребительских цен (потребительской инфляции) в течение года после принятия санкционных решений (среднегодовые показатели в процентных пунктах)	менее 1,5	более 1,5
4	Снижение активного сальдо торгового баланса в год принятия новых санкционных решений (среднегодовые показатели в процентных пунктах)	менее 30%	более 30%
5	Сокращение (в %) валютных поступлений от несырьевого экспорта Российской Федерации в течение 12 месяцев после принятия новых санкционных решений	менее 20%	более 20%
6	Сокращение (в %) поступлений от выпуска суверенных долговых обязательств в течение 12 месяцев после принятия новых санкционных решений	менее 40%	более 40%
7	Отток капитала частного сектора в среднем за 3 года (млрд долл.)	менее 30	более 30
Долгосрочные			
1	Упущенный рост ВВП (в процентных пунктах) в среднем за 5 лет	менее 0,6	более 0,6
2	Среднегодовые темпы роста (в %) валютных поступлений от несырьевого экспорта Российской Федерации в среднем за 5 лет	менее 8	более 8

3	Отток капитала частного сектора в среднем за 3 года (млрд долл.)	менее 30	более 30
---	--	----------	----------

Источник: МГИМО МИД России.

В *среднесрочном периоде* возникновение существенных рисков следует ассоциировать с ситуациями, когда пороговые значения достигнуты любой комбинацией из как минимум трех показателей среднесрочного санкционного влияния (либо если будет достигнут пороговый показатель упущенного роста ВВП в среднем за 1 и/или 3 года). В том случае если принятие санкционных решений приводит к снижению темпов роста ВВП по сравнению с потенциально возможным уровнем более чем на 1 процентный пункт в течение 1 года или в среднем не менее чем на 0,8 процентных пунктов в течение 3 лет, вызванные санкциями угрозы ЭБ должны быть признаны системными, причем их интенсивность будет тем выше, чем больше других показателей выйдут за пороговые значения. В *долгосрочном периоде* риски, связанные с достижением пороговых значений по одному из двух показателей — среднегодовым темпам роста валютных поступлений от несырьевого экспорта или оттоку капитала частного сектора — могут быть признаны ограниченными. Максимальные же угрозы ЭБ обуславливаются (а) сочетанием высоких показателей упущенного роста ВВП с высоким оттоком капитала из страны, так как это означает долгосрочный подрыв инвестиционного потенциала страны, препятствующий «наверстыванию» упущенных возможностей социально-экономического и технологического развития в будущем даже в случае ослабления или отмены санкций, а также (б) сочетанием высоких показателей упущенного роста ВВП с критическим снижением темпов роста несырьевого экспорта, так как это подрывает возможности диверсификации структуры российской экономики и препятствует достижению стратегической цели избавления от угроз и уязвимостей, связанных с сохранением сырьевой модели экономического развития страны.

Что касается фактора торговых войн, то на протяжении всего прошлого года он рассматривался как ключевой риск для поступательного развития мировой экономики. Опасения, действительно, были вполне обоснованными. По данным мониторинга ВТО (в рамках которого стандартный период наблюдений продолжается с середины октября предшествующего года по середину октября последующего), объем глобальной торговли, на который распространялись ежегодно вводимые ограничительные меры, последовательно сокращался с 201—228 млрд долл. в 2012—2015 годах до 101 млрд долл. в 2015—2016 годах и 79 млрд долл. в 2016—2017 годах. После этого, однако, наступил перелом. В последующий год объем международной торговли, на который распространяются вновь введенные ограничения, увеличился более чем в семь раз — до 588 млрд долл., а с октября 2018 года по октябрь 2019 года он оказался еще более значительным, достигнув 747 млрд долл. [34]. При всей значимости, которую данный фактор сохраняет для мировой экономики [35], его влияние на протекающие в ней процессы в начале 2020 года оказалось существенно ниже, чем влияние пандемии коронавируса, а потенциальное влияние на экономические интересы Российской Федерации — во много

раз меньше, чем влияние динамики нефтяных цен. Указанные два фактора на сегодняшний день являются наиболее сложными для анализа. Во-первых, быстрое изменение ситуации на рынках крайне осложняет расчет экономических прогнозов¹. Во-вторых, в настоящее время упали до минимума шансы на реализацию так называемого V-сценария выхода из кризиса (когда за быстрым спадом следует быстрый подъем). Наоборот, выросли шансы на то, что развитие экономической ситуации будет следовать траектории U-сценария (быстрый спад, продолжительное пребывание в кризисе и лишь затем — оживление экономики), а для некоторых стран — и L-сценария (когда за резким спадом следует длительный период крайне низких, возможно, отрицательных) темпов экономического роста. Как ни печально это констатировать, среди стран с L-сценарием вполне может оказаться Российская Федерация, особенно если новое соглашение ОПЕК+ не сможет вывести цены на нефть сорта Brent на уровень выше 40 долл. за баррель к концу 2020 года. Предварительные расчеты показывают, что ущерб для мировой и российской экономики в любом случае будет нанесен весьма значительный (см. табл. 2). Насколько серьезными будут угрозы национальной ЭБ Российской Федерации при реализации каждого из этих сценариев — вопрос дальнейших оценок. Ясно одно — последовательное совершенствование подходов к изучению проблем ЭБ, основанное на изложенных выше аргументах, способно существенно повысить реалистичность наших расчетов и рекомендаций.

Таблица 2

**Прогнозные темпы прироста глобального ВВП и ВВП
Российской Федерации в зависимости от сценария развития кризиса**

	Год	V-сценарий	U-сценарий	L-сценарий
Мир	2020	от 1,5 до 2,2	от -3,2 до -2,5	от -4,3 до -3,5
	2021	от 3,5 до 4,1	от 4,5 до 5,3	от -1,0 до -0,5
Россия	2020	от -0,5 до -0,3	от -4,6 до -3,3	от -5,5 до -4,9
	2021	от 0,7 до 1,1	от 1,7 до 2,2	от -1,4 до -0,6

Источник: ИМЭМО РАН (апрель 2020 г.).

Примечания

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1. Ч. II, ст. 212.

2. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2902.

¹ В частности, увидевший свет 2 марта 2020 г. доклад ОЭСР, посвященный влиянию коронавируса на мировую экономику (Coronavirus: The World Economy at Risk. Paris: OECD, 2020), устарел менее чем через неделю — сразу после отказа от соглашения ОПЕК+ цены на нефть претерпели резкое снижение.

3. Economic Security for a Better World. Geneva: ILO, 2005.
4. Quality of Life Indicators — Economic Security and Physical Safety // Eurostat. Statistics Explained, June 2019. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/pdfscache/30565.pdf> (дата обращения: 16.04.2020).
5. Neu C.R. and Wolf Ch. The Economic Dimensions of National Security. Santa Monica: RAND, 1994.
6. DeSouza P.J. (ed.). Economic Strategy and National Security. Boulder: Westview Press, 2000.
7. Ronis Sh.R. (ed.). Economic Security: Neglected Dimension of National Security? Washington (D.C.): Center for Strategic Conferencing Institute for National Strategic Studies, 2011.
8. Navarro P. Why Economic Security Is National Security // The White House, December 10, 2018. URL: <https://www.whitehouse.gov/articles/economic-security-national-security> (дата обращения: 16.04.2020).
9. Boutin K. Economic Security and Sino-American Relations. Progress under Pressure. Cheltenham: Edward Elgar, 2019.
10. Quiggin J. Globalisation and Economic Sovereignty // Journal of Political Philosophy. 2001. Vol. 9. No. 1. P. 56—80.
11. Shah W., Simons P. and Singh D. Redefining Sovereignty in International Economic Law. London: Hart Publishing, 2008.
12. Болдырев О.Ю. Экономический суверенитет государства и конституционно-правовые механизмы его защиты. М.: Проспект, 2018.
13. Leonard M. and Shapiro J. Empowering EU Member States with Strategic Sovereignty // European Council on Foreign Relations Paper no. 289, June 2019.
14. A New World. The Geopolitics of the Energy Transformation. Abu Dhabi: International Renewable Energy Agency, 2019.
15. Luttwak E.N. From Geopolitics to Geo-Economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce // National Interest. 1990. No. 20. P. 17—23.
16. Luttwak E.N. The Coming Global War for Economic Power: There Are No Nice Guys at the Battlefield of Geoeconomics // International Economy. 1993. Vol. 7. No. 5. P. 18—67.
17. Luttwak E.N. The Endangered American Dream. NY: Simon and Schuster, 1993.
18. Vernon R. Review: Geo-Economics 101 // National Interest. 1993/1994. No. 34. P. 102—105.
19. Cable V. What Is International Economic Security? // International Affairs. 1995. Vol. 71. No. 3. P. 305—324.
20. Economic Security // Department of Homeland Security official web site. URL: <https://www.dhs.gov/topic/economic-security> (дата обращения: 16.04.2020).
21. Баранов В.М. Законодательное определение понятия «экономическая безопасность государства» и современные проблемы ее правового обеспечения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2001. № 1. С. 14—28.
22. Афонцев С.А. Национальная экономическая безопасность: на пути к теоретическому консенсусу // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 10. С. 30—40.
23. Глазьев С.Ю. За критической чертой. О концепции макроэкономической политики в свете обеспечения экономической безопасности страны. М.: Российский экономический журнал, 1996.

24. Экономическая безопасность. Производство, финансы, банки / под ред. В.К. Сенчагова. М.: Финстатинформ, 1998.
25. Илларионов А. Критерии экономической безопасности // Вопросы экономики. 1998. № 10. С. 35—58.
26. Глазьев С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития // Российский экономический журнал. 2015. № 5. С. 3—62.
27. Кузнецов Д.А., Руденко Д.А. Система индикаторов оценки экономической безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 23. С. 59—68.
28. Крылов А.А., Латов Ю.В. Мониторинг национальной и региональной экономической безопасности в современной России: проблемы, подходы, перспективы // Микроэкономика. 2018. № 2. С. 107—119.
29. Экономическая безопасность России: методология, стратегическое управление, системотехника / под ред. С.Н. Сильвестрова. М.: РУСАЙНС, 2018.
30. Kaempfer W.H. and Lowenberg A.D. The Political Economy of Economic Sanctions. In: T. Sandler, K. Hartley (eds.). Handbook of Defense Economics. NY: Elsevier, 2007. P. 868—911.
31. Тимофеев И. Санкции против России: направления эскалации и политика противодействия // Доклад РСМД № 37. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/sanktsii-protiv-rossii-napravleniya-eskalatsii-i-politika-protivodeystviya> (дата обращения: 16.04.2020).
32. Афонцев С.А. Санкции и международные институты: перспективы снижения санкционных рисков для России // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 3. С. 48—68.
33. Анализ зарубежного опыта реагирования национальных парламентов (меры законодательного и иного реагирования) на вмешательство во внутренние дела государства. Итоговый аналитический отчет в рамках Государственного контракта № 0173100009619001640001 по проведению экспертно-аналитического исследования. М.: МГИМО МИД России, 2019.
34. Overview of Developments in the International Trading Environment. Annual Report of the Director-General (Mid-October 2018 to Mid-October 2019). Geneva: WTO, 2019.
35. Афонцев С.А. Политика и экономика торговых войн // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. Т. 45. № 1. С. 193—198.

References

1. The national security strategy of the Russian Federation. Approved by Decree of the President of the Russian Federation dated December 31, 2015, no. 683. (In Russ.)
2. The economic security strategy of the Russian Federation for the period until 2030. Approved by Decree of the President of the Russian Federation dated May 13, 2017, no. 208. (In Russ.)
3. Economic Security for a Better World. Geneva: ILO, 2005.
4. Quality of Life Indicators — Economic Security and Physical Safety. *Eurostat. Statistics Explained*, June 2019. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/pdfscache/30565.pdf> (accessed 16.04.2020).
5. Neu C.R. and Wolf Ch. The Economic Dimensions of National Security. Santa Monica: RAND, 1994.

6. DeSouza P.J. (ed.). *Economic Strategy and National Security*. Boulder: Westview Press, 2000.

7. Ronis Sh.R. (ed.). *Economic Security: Neglected Dimension of National Security?* Washington (D.C.): Center for Strategic Conferencing Institute for National Strategic Studies, 2011.

8. Navarro P. Why Economic Security Is National Security. *The White House*, December 10, 2018. URL: <https://www.whitehouse.gov/articles/economic-security-national-security> (accessed 16.04.2020).

9. Boutin K. *Economic Security and Sino-American Relations. Progress under Pressure*. Cheltenham: Edward Elgar, 2019.

10. Quiggin J. Globalisation and Economic Sovereignty. *Journal of Political Philosophy*, 2001, vol. 9, no. 1, pp. 56—80.

11. Shah W., Simons P. and Singh D. *Redefining Sovereignty in International Economic Law*. London: Hart Publishing, 2008.

12. Boldyrev O.Yu. The economic sovereignty of the state and constitutional and legal mechanisms for its protection. Moscow: Prospect Publ., 2018. (In Russ.)

13. Leonard M. and Shapiro J. Empowering EU Member States with Strategic Sovereignty. *European Council on Foreign Relations Paper* no. 289, June 2019.

14. *A New World. The Geopolitics of the Energy Transformation*. Abu Dhabi: International Renewable Energy Agency, 2019.

15. Luttwak E.N. From Geopolitics to Geo-Economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce. *National Interest*, 1990, no. 20, pp. 17—23.

16. Luttwak E.N. The Coming Global War for Economic Power: There Are No Nice Guys at the Battlefield of Geoeconomics. *International Economy*, 1993, vol. 7, no. 5, pp. 18—67.

17. Luttwak E.N. *The Endangered American Dream*. NY: Simon and Schuster, 1993.

18. Vernon R. Review: Geo-Economics 101. *National Interest*, 1993/1994, no. 34, pp. 102—105.

19. Cable V. What Is International Economic Security? *International Affairs*, 1995, vol. 71, no. 3, pp. 305—324.

20. *Economic Security. Department of Homeland Security official web site*. URL: <https://www.dhs.gov/topic/economic-security> (accessed 16.04.2020).

21. Baranov V.M. The legislative definition of the concept of “economic security of the state” and modern problems of its legal support. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2001, no. 1, pp. 14—28. (In Russ.)

22. Afontsev S.A. National Economic Security: Towards Theoretical Consensus. *World Economy and International Relations*, 2002, no. 10, pp. 30—40. (In Russ.)

23. Glazyev S.Yu. Beyond the critical line. On the concept of macroeconomic policy in the light of ensuring the economic security of the country. Moscow: Russian Economic Journal Publ., 1996. (In Russ.)

24. Senchagov V.K. (ed.). *Economic security. Production, finance, banks*. Moscow: Finstatinform Publ., 1998. (In Russ.)

25. Illarionov A. Criteria of economic security. *Issues of Economics*, 1998, no. 10, pp. 35—58. (In Russ.)

26. Glazyev S.Yu. On urgent measures to strengthen the economic security of Russia and the withdrawal of the Russian economy on the path of accelerated development. *Russian Economic Journal*, 2015, no. 5, pp. 3—62. (In Russ.)

27. Kuznetsov D.A., Rudenko D.A. The system of indicators for assessing economic security. *National interests: priorities and security*, 2015, no. 23, pp. 59—68. (In Russ.)
28. Krylov A.A., Latov Yu.V. Monitoring of national and regional economic security in modern Russia: problems, approaches, prospects. *Microeconomics*, 2018, no. 2, pp. 107—119. (In Russ.)
29. Silvestrov S.N. (ed.). Economic security of Russia: methodology, strategic management, systems engineering. Moscow: RUSINS Publ., 2018. (In Russ.)
30. Kaempfer W.H. and Lowenberg A.D. The Political Economy of Economic Sanctions. In: T.Sandler, K.Hartley (eds.). *Handbook of Defense Economics*. NY: Elsevier, 2007, pp. 868—911.
31. Timofeev I. Sanctions against Russia: directions of escalation and the policy of counteraction. *Report of the INF Treaty no. 37*. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/sanktsii-protiv-rossii-napravleniya-eskalatsii-i-politika-protivodeystviya> (accessed 04.16.2020). (In Russ.)
32. Afontsev S.A. Sanctions and international institutions: prospects for reducing sanctions risks for Russia. *Bulletin of international organizations*, 2019, vol. 14, no. 3, pp. 48—68. (In Russ.)
33. Analysis of foreign experience in the response of national parliaments (legislative and other responses) to interference in the internal affairs of the state. *Final analytical report within the framework of State Contract no. 0173100009619001640001 for conducting an expert analytical study*. Moscow: MGIMO, Ministry of Foreign Affairs of Russia Publ., 2019.
34. Overview of Developments in the International Trading Environment. Annual Report of the Director-General (Mid-October 2018 to Mid-October 2019). Geneva: WTO, 2019.
35. Afontsev S.A. Politics and Economics of Trade Wars. *Journal of the New Economic Association*, 2020, vol. 45, no. 1, pp. 193—198. (In Russ.)

Ответы на вопросы

1. Согласно майскому Указу от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» необходимо обеспечить вхождение России в число пяти крупнейших экономик мира. Ваше мнение по этой цели — реально или нет?

Еще несколько месяцев назад можно было сказать, что реализация данной задачи является трудной, но выполнимой. К сожалению, начавшийся в 2020 году кризис делает эти планы менее реалистичными. Чтобы выйти на пятое место в мире, Российская Федерация должна обогнать Германию. Для этого российская экономика должна расти быстрее, чем немецкая. Однако имеющиеся прогнозы не позволяют на это надеяться. В частности, в соответствии с прогнозом МВФ, экономика Германии снизится в 2020 году на 7%, а в 2021 году вырастет на 5,2%. Для России соответствующие прогнозы составляют -5,5% и 3,5% соответственно. В результате экономика России усилит отставание от Германии. Оценки ИМЭМО РАН по снижению ВВП России менее драматичны, но и они говорят о сохранении разрыва между двумя экономиками.

2. Согласно национальному проекту «Международная кооперация и экспорт» в 2024 году общая доля экспорта товаров (работ, услуг) в обрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве, сфере услуг конкурентоспособных несырьевых секторов составит не менее 20% ВВП страны, есть ли возможность увеличить этот показатель до 30-35% от ВВП России?

Как и в случае с предыдущим вопросом, здесь поводы для оптимизма найти сейчас трудно. Для устойчивого повышения доли несырьевого сектора в экономике необходим рост спроса на его продукцию, что в условиях кризиса весьма проблематично. Некоторые эксперты, скептически настроенные в отношении перспектив российского нефтегазового экспорта, говорят о возможности «чисто арифметического» достижения соответствующих показателей за счет сокращения производства и экспорта углеводородного сырья. Но едва ли такая перспектива может быть для нас привлекательной, да и расчеты этих экспертов вызывают серьезные вопросы.

3. В каком году китайская экономика станет самой крупной экономикой мира?

Если судить о размере национальных экономик по объему ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности (т. е. не по текущим валютным курсам, а с учетом различий в ценах одних и тех же товаров на рынках разных стран), то китайская экономика уже превышает американскую. По оценкам Всемирного банка, в 2018 году это превышение составляло более 23% (данные за 2019 г. пока окончательно не обработаны). Если говорить об оценках ВВП по текущим валютным курсам, экономика КНР пока примерно на треть меньше американской. Если последствия нынешнего кризиса будут успешно преодолены и существенного замедления китайской экономики не произойдет, то отставание китайской экономики от американской может быть преодолено в течение следующего десятилетия — но точно не в ближайшие годы.

4. Какое влияние окажет очередное снижение ключевой ставки Банка России на рынок кредитных ресурсов?

В условиях экономического кризиса снижение ключевой ставки оказывает влияние преимущественно на валютный и фондовый рынок, но не на возможности использования кредитных ресурсов для финансирования проектов в реальном секторе экономики. На протяжении последнего десятилетия в мировой практике мы видели множество случаев, когда даже при нулевых процентных ставках компании реального сектора кредиты не брали, так как не видели перспектив развития бизнеса. С точки зрения краткосрочных задач — например, получения кредита на выплату заработной платы — такая мера гипотетически может помочь (и то возникает вопрос — под какой залог банк выдаст кредит в условиях кризиса?). Но для стимулирования расширения бизнеса необходимо, чтобы бизнес-субъекты для начала убедились в прекращении кризисных тенденций.

5. Какое значение для национальной экономической безопасности России имеет сохранение мировых цен на нефтепродукты, реализуемые в Республике Беларусь?

Уровень цен на углеводородную продукцию, поставляемую в Республику Беларусь (это главным образом сырая нефть, поскольку производство нефтепродуктов из нее осуществляет сама Беларусь), представляет интерес с точки зрения доходов российского бюджета, но на состояние ЭБ Российской Федерации оказывает крайне ограниченное влияние. Всего в 2019 году Россия экспортировала 267,5 млн т сырой нефти. При этом, согласно межгосударственным договоренностям, объем беспошлинных поставок нефти в Беларусь был установлен в размере 24 млн т. Это не те цифры, чтобы обсуждать вопросы экономической безопасности.

6. Выход Великобритании из Европейского союза свидетельствует о кризисе регионального политического рынка?

Да, безусловно. Присоединение к региональному интеграционному объединению новых членов или выход из него отдельных стран — однозначный признак эффективности или, наоборот, кризиса соответствующего объединения. Это относится к любым интеграционным договоренностям. Когда на фоне кризиса в еврозоне в нее последовательно вступили Эстония (2011 г.), Латвия (2014 г.) и Литва (2015 г.) — это было четким сигналом жизнеспособности европейского интеграционного проекта. Сейчас из ЕС выходит одна из крупнейших экономик — и это сигнал о серьезных проблемах европейской интеграции.

7. Насколько важно России вернуться в «большую восьмерку», чтобы оказывать влияние на глобальные экономические процессы?

В обозримой перспективе возвращение России в «большую восьмерку» невозможно. Как состав, так и деятельность данного странового клуба определяется главным образом политическими интересами стран-членов. В настоящее время масштаб противоречий между Российской Федерацией и странами — членами «большой восьмерки» в сфере международной политики и безопасности таков, что о возвращении в данный страновой клуб говорить не приходится.

8. Насколько приемлема политика протекционизма в международных торговых отношениях?

Это очень многогранный вопрос, ответ на который потребовал бы отдельной публикации. Если коротко — то соглашения ВТО определяют круг ситуаций, при которых допускается использование торговых барьеров, выходящих за рамки обязательств конкретных стран, принятых при присоединении к ВТО. В частности, это защита от некорректных торговых практик стран-партнеров, а также применение торговых барьеров по соображениям

национальной безопасности, основанное на статье XXI Генерального соглашения по тарифам и торговле. На сегодняшний день эта статья применяется, в частности, для оправдания санкционных мер в торговле, применяемых против Российской Федерации. Со стороны США наблюдается очевидное злоупотребление данной статьей — в частности, именно ею администрация Д. Трампа обосновала введение дополнительных пошлин на сталь и алюминий в 2018 году. В то же время именно она позволяет Российской Федерации применять ответные меры против стран, которые ввели против нас экономические санкции. С моей точки зрения, при оценке приемлемости ограничительных мер в торговле необходимо смотреть не столько на величину создаваемых барьеров, сколько на мотивы их создания. Пошлина в размере 5% от таможенной стоимости, пролоббированная влиятельной компанией в своих интересах, может быть гораздо более неприемлема, чем антидемпинговая пошлина в размере 30%, призванная предотвратить хищническое поведение зарубежной компании, стремящейся завоевать национальный рынок конкретной страны.

9. Насколько важна для экономической безопасности России политика дедолларизации?

Политика дедолларизации — меч обоюдоострый. С одной стороны, в условиях санкций осуществление операций в долларах США подвергает российские компании значительным санкционным рискам ввиду того, что эти операции проводятся через американские банки, а значит, подконтрольны американским регуляторам. С другой стороны, доллар продолжает оставаться ключевой мировой валютой, и уход от его использования чреват потерями (как это показывает, в частности, обесценение «недолларовых» резервов Российской Федерации в последние месяцы). Здесь необходим разумный баланс, учитывающий все факторы риска и их изменение с течением времени.

10. Много пишут и говорят о необходимости перехода к экономике стимулов вместо существующей экономики запретов, надзора, контроля, отчетности. Каковы, по Вашему мнению, элементы такого рода экономики?

«Экономика стимулов» — на сегодняшний день скорее лозунг, чем набор прагматических рекомендаций. К сожалению, в условиях экономического кризиса содержание этого лозунга становится все более размытым, и на первый план выходит необходимость антикризисных мер. Если бы я формулировал приоритеты «экономики стимулов» на будущее, я бы говорил о целесообразности снижения налогового бремени на бизнес и развитии страховых механизмов минимизации рисков его деятельности (вместо нынешних многочисленных проверок и инспекций). Но конкретные контуры «экономики стимулов» имеет смысл обсуждать после завершения экономического кризиса. В настоящее время главное — поддержать доходы населения и не допустить массового банкротства бизнес-субъектов в условиях резкого сжатия платежеспособного спроса.